

ГЛАВА XII

“Теперь пусть каждая служанка и подруга

Спешит сюда выпить и поцеловать.

Присоединяйтесь ко мне в одном припеве:

Пусть ваши сердца поглотят блаженство.

Улетай от боли и бед:

Жизнь всего лишь пузырь.

Будь хоть учёным, хоть таким же умным,

Однако никто не знает о завтрашнем дне.

Есть только одна настоящая печаль:

Молодость когда-то ушла навсегда.”

В строфах Лоренцо де Медичи, данных миру на заре славного итальянского Возрождения, присутствует выражение того эпикурейского отношения к жизни, которое в этот период заменило мистифицирующее христианское учение об отречении. Которое являло вопль плоти, восставшей против тиранической теологии, издавна подчинившей дух абсолютизму догмы. Оно начало разноситься эхом по всем дорогам и переулкам Европы, проникая в сознания людей во дворцах и хижинах, на равнинах и в горах, в городах и на полях.

Нет больше долгих рассуждений грешников, волочащих свои изможденные тела к далёкой Фиваиде во искупление! Нет больше верблюжьей шерсти, кнутов, воздержания и умерщвления вшами, которые ввёл преподобный Лабр (*католический святой, нищенствующий монах и юродивый – прим. переводчика*)! Нет больше пустынного, монастырского одиночества. Есть наслаждение чувств, вырвавшееся из-под великой иронии Гаргантюа (*персонаж романа писателя Франсуа Рабле – прим. переводчика*), как бы для того, чтобы оправдать то, что веками подавлялось и ругалось. Церковь не сопротивлялась пороку, а боролась с ересью кровью и кольями. Таким образом, язычество, у которого римская церковь забирала силы, смысл, божественность – увековечивало себя, особенно процветая в латинских землях.

Весной, после долгой зимней тишины, мужчины направлялись в деревню. Старые обычаи передавались в неизменном виде из поколения в поколение. Например, мартовские огни, блестевшие на склонах гор, тратто-марзо (*призыв месяца марта – прим. переводчика*), церемония, которая была забыта в городах, но всё ещё жива в деревнях и посёлках среди далёких долин; а позднее эрогазионе (*приветствие весны – прим. переводчика*), сходные по форме и мотивам с процессиями жрецов язычников, которые маршировали в поля, чтобы отпраздновать пробуждение природы.

Прошли холодные зимние месяцы. Март снова улыбнулся своим едким очарованием. Чудесные дни, предвещавшие весну с вергилианской (*Публий Вергилий Марон, римский поэт – прим. переводчика*) ясностью итальянского неба, манили горожан к длительным прогулкам на природе.

Клаудия провела зиму в меланхолическом настроении. Спокойно претворив свой план в жизнь, ей удалось освободиться от своих злейших врагов и заставить всех бояться себя. Бояться, но не любить. Несмотря на её щедрость в канун Рождества (о котором сам получатель сообщил, вопреки своему обещанию); несмотря на то, что в замке больше не устраивались ни празднества, ни пиры, — всё же шляпы всех горожан были направлены против Клавдии. Кардинала жалели как жертву дьявольского

зла, сотворённого подлой женщиной, и народ не прощал её. И Клавдия чувствовала себя постоянно опутанной густой сетью ненависти, подозрительности и клеветы.

Именно по этой причине в первые дни марта она сделала кардиналу предложение, которое сначала удивило его. Клавдия решила вернуться в Кастель Тоблино (*находится на севере Италии и является редким примером озёрного замка – прим. переводчика*). Почему она должна оставаться в Тренте (*город на севере Италии – прим. переводчика*)? Теперь её миссия была выполнена. Она намеревалась усмирить своих врагов, и ей это удалось. С другой стороны, улетучивались последние упрямые надежды на благосклонный ответ Рима.

Папа, без сомнения, по наущению каноников собора, никогда не уступит устроению, которое вызывалось с таким рвением, с таким упорством и за такие деньги. Все долгие дискуссии, которые Клавдия вела с Эмануэлем в эти месяцы, не помогли решить проблему. Кардинал по-прежнему был нерешителен, неуверен, слаб. Он не хотел смириться с потерей Клавдии, но не знал, как осуществлять их союз. Он постарел. Он не был в неведении о народном настроении по отношению к нему. Люди жалели его и проклинали. Ему хотелось вернуть дружбу своих подданных, вернуть себе место в их глазах, добиться их прощения и оставить после себя добрую память о своём правлении. Но для этого нужно было бы отказаться от Клавдии, отбросить Людовико Партичеллу и изгнать из своего сердца чувство дружбы к отцу и любви к дочери.

Невозможно! Эмануэль продолжал жить изо дня в день в безнадёжном и нелепом ожидании какого-нибудь чрезвычайного события, которое вызовет его из положения, с каждым днем становившегося всё более серьёзным.

И Клавдия начала уставать от этой ситуации. Она чувствовала, что любовь прежних дней исчезла. Это было уже не пламя великой страсти, а умеренная привязанность, устойчивая и привычная. Её мечта о правлении исчезла. Ей было недостаточно любви кардинала. Он старел. Однако у него не хватало мужества признать это. Ей было неприятно причинять страдания человеку, которого она ранее любила всей силой своей души и которого она до сих пор любила в духе благодарности и дружелюбия, что очень редко бывает у женщин.

Но кардинал не обманывал себя. Он догадался, что сердце Клавдии стало для него пустым сосудом. Но он цеплялся за всё ещё прекрасную Клавдию с цепкостью плюща, укореняющего свои корни в коре дуба.

Поэтому, когда Клавдия выразила желание вернуться в Кастель Тоблино, кардинал попытался всеми средствами отговорить её. Но куртизанка решила, как всегда, по-своему.

Она чувствовала потребность вернуться на поля вдоль озера, которые так часто ласково баюкали её лунными летними ночами. И ушла без угрызений совести и не оставив надежды.

Её уход не прошёл незамеченным и был встречен со вздохом удовлетворения. Кардинал остался один в замке, который отныне был для него как бы необитаемым. Он заперся в своей квартире и пережил период, когда допускал к себе только самых близких друзей.

С самого начала по городу поползли тревожные слухи. Стало понятно, что кардинал был болен, и причиной считалась Клавдия. Рыболовы, населявшие улочки в центре города, не сговариваясь заявили друг другу, что болезнь кардинала вызвана колдовством Клавдии.

Память о ведьмах и знаменитых судебных процессах, на которых они были осуждены, передавалась от отца к сыну. Все верили в дьявольскую силу ведьм, и врачи того времени вместе с теологами рылись в телах подозреваемых в колдовстве в поисках *sigillum diaboli* (*с латыни «знак дьявола» – прим. переводчика*), который сразу же делал бы их пригодными для священного костра.

Но вскоре, в результате неизбежных оговорок, люди узнали, что именно из-за отъезда Клавдии кардинал заперся в своём жилище.

После чего обсуждение сменилось шутками и насмешками. Кардинал, старый и лишённый власти, стал предметом народных шуток; он каялся за Клавдию и совершал глупости юношей, делающих свои первые шаги на пути, который в «*Ars amandi*» Овидия (*поэма о свободной любви – прим. переводчика*) изображён с классическим совершенством. На его счёт распространялись самые острые сатиры. При отмечании тратто-марза на городских стенах появились скандальные надписи. Господство Мадруццо заканчивалось самым бесславным образом, какое только можно себе представить: оно погибало от насмешек.

Людовико Партичелла, хотя и открыто выступал против капитула собора, оставался политическим правителем принципата (*особая форма монархии, при которой сохранялись республиканские учреждения, но власть фактически принадлежала одному лицу, принцепсу, который считался первым среди равных – прим. переводчика*). Жрецы Капитула (*общего собрания членов монашеского или духовно-рыцарского ордена – прим. переводчика*) ещё не добились папского или имперского вмешательства, к которому они так настойчиво призывали. Пока кардинал проводил свои меланхолические дни в Тренте, Клавдия завладела замком Тоблино. Март месяц подходил к концу. Просыпались поля. Лес дарил взору светло-зелёный цвет первых листьев, распутившихся из набухших почек под поцелуями утренней росы. И эта зелень покрывала все горные склоны, до самых вершин, чья спокойная шероховатость вырисовывалась на горизонте.

В воздухе разлилось тепло весны. Странные испарения были принесены и разнесены ветром. Птицы вылетели из своих зимних убежищ и раскрыли глотки в пении. Животные, ползающие по земле, вылезли из своих расщелин, чтобы насладиться солнцем. Берега озера заросли травой, и тополя укрыли свою безрадостную наготу зелёным покровом. Повсюду была свежесть, вкрадчивость, энергия молодости, которая постоянно обновляется.

Клавдия проводила дни в долгих и подвижных поездках в поля и горы. Одна, если не считать компании верного оруженосца, она появлялась на рассвете, садилась на лошадь и мчалась бешеным галопом, будто одурманенная. Она собирала цветы, растения и камни, и возвращалась в замок восхитительно уставшая, не помня себя и забывая обо всём.

Вечером, когда луна заливала окрестности своим бледным светом и воды озера дрожали, словно тронутые таинственной лаской, Клавдия гребла одна в маленькой лодочке. Посреди озера она бросала вёсла и внимательно прислушивалась к глубоким голосам ночи. Ей казалось, что это были голоса живых и мёртвых, нисходящие с самых высоких небес и поднимающиеся из самых глубинных вод, чтобы отпраздновать её свободу и её возвращение к одиночеству.

Её ночи были спокойными. Забывчивость сделала своё тихое и упорное дело. Она забывала. Она забыла друзей и врагов, забыла даже кардинала, чей ослабевший образ медленно увядал.